

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.
ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

№ 15.

ЧЕТВЕРГЪ, 1-го Іюля 1876 года.

СЛОВО,

о безусловной обязанности христианина повиноваться святой церкви.

*Аще же братъ твой и церковь
преслушаетъ, буди тебѣ яко же
язычникъ и мытарь. (Матѣ. 18, 17.).*

Такъ сказала нѣкогда Самъ Христосъ Спаситель, и тѣмъ, разъ навсегда, установилъ для насъ значеніе Своей церкви, узаконилъ полномочіе, авторитетность ея надъ нами.

И точно, основанная на землѣ Христомъ Спасителемъ, постоянно назираемая и управляемая Имъ, непрерывно пріосѣняемая Духомъ Святымъ, святая церковь Христова для всѣхъ вѣрующихъ составляетъ единственное въ мірѣ сѣудилище нашей жизни, нашихъ мыслей и дѣйствій; по божественному происхожденію и устройству своему, по благодатнымъ силамъ и дарованіямъ своимъ, св. церковь Христова имѣетъ полную власть надъ нами, высочайше непререкаемое право на нашъ разумъ и на наше сердце. А потому неудивительно, что кто не слушаетъ голоса и внушеній св. церкви,

кто не покоряется и не подчиняется ея учению и правиламъ, тотъ для всякаго вѣрующаго подобенъ язычнику и мытарю: *Аще же братъ твой и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь.*

Прослѣдимъ жизнь благовоспитаннаго человѣка въ естественномъ отношеніи,—и мы поймемъ, бр., ближайшее единеніе наше, выразумѣмъ тѣснѣйшую благодатную связь нашу съ святою церковію Христовою.

Какъ только родится человѣкъ на свѣтъ, онъ всею жизнію и всѣмъ существомъ своимъ, по душѣ и по тѣлу, всецѣло зависить отъ отца и отъ матери; въ младенчествѣ инстинктивно и бессознательно онъ льнетъ и ютится къ матери, питается у груди и грѣтся на лонахъ ея; въ дѣтствѣ и юношествѣ онъ довѣрчивъ и покоренъ отцу, сердечно преданъ и привязанъ къ матери, живетъ и дышетъ ихъ понятіями и убѣжденіями, мыслить и дѣйствуетъ согласно ихъ видамъ и желаніямъ; ставши мужемъ совершеннымъ, сдѣлавшись гражданиномъ, онъ видимо выходитъ уже изъ-подъ опеки родительской, но чувство благоговѣйнаго уваженія къ родителямъ хранить свято въ глубинѣ существа своего; живетъ своимъ умомъ и дѣйствуетъ, на основаніи приобрѣтенныхъ и осмысленныхъ собственныхъ познаній, во всю широту независимо-свободной и самостоятельной жизни, но въ основѣ всей его мирской жизни и свободной дѣятельности проявляются наставленія отца и внушенія матери; почитая ихъ свято и нерушимо, въ главномъ и существенномъ не отступая отъ нихъ ни на шагъ, онъ въ мѣру своихъ силъ и способностей, соображаясь съ духомъ времени, въ кругу своихъ обязанностей, усердно трудится и работаетъ, придерживаясь отцовскихъ наставленій и примѣняя материнскія внушенія къ частнымъ потребностямъ и разнообразнымъ случаямъ жизни, и въ общую сокровищницу человѣчества привноситъ, такимъ образомъ, долю своей сво-

бодной дѣятельности. Среди такой мирской и свободной, разнообразной и многополезной дѣятельности, слово укора отцу или матери никогда не исторгается изъ устъ благовоспитаннаго человѣка; насмѣшки надъ ихъ слабостями и немощами, тѣмъ болѣе презрѣнія къ нимъ никто не видитъ и не замѣчаетъ въ словахъ и дѣйствіяхъ его; напротивъ, во всю жизнь свою, до самаго гроба благовоспитанный человѣкъ относится къ своимъ родителямъ съ чувствомъ сердечной любви и признательности, твердо помнить всѣ ихъ заботы о себѣ и наставленія и въ преизбыткѣ благодарнаго сыновняго чувства вездѣ и повсюду дорожить ими какъ святынею. Ахъ! какъ отрадна и какъ счастлива жизнь такого благовоспитаннаго человѣка: любовь и уваженіе отъ людей вездѣ и повсюду сопутствуютъ ему и улаждаютъ для него скорбный путь земной жизни нашей; благословенія небесныя обильными токами изливаются въ душу его и даютъ ему видимо предвкусывать сладость вѣчнаго блаженства.

Но каковъ человѣкъ, въ естественной жизни, въ отношеніяхъ своихъ къ отцу и матери: таковы всѣ мы, христіане, въ благодатныхъ отношеніяхъ нашихъ ко Господу Богу, общему Отцу нашему, и къ святой церкви Христовой, сей чадолюбивѣйшей Матери нашей.

Озаренные и просвѣщенные свѣтомъ Христовымъ, согрѣтые теплою и напоенные сладостію высокихъ небесныхъ истинъ, со всѣхъ сторонъ, внутренно и внѣшно, преизобильно благодатствованные духомъ и силами божественными, въ сознаніи неизреченныхъ сокровищъ, благодатно преподаваемыхъ намъ въ святой церкви Христовой, мы должны, во славу Божию, трудиться въ мірѣ семъ и молиться, смиренно, въ простотѣ сердца и въ незлобїи духа, благодарить Господа Бога и всячески заботиться о приумноженіи и приращеніи данныхъ намъ талантовъ; ни на минуту не забывая милостей и ще-

дротъ Отца небеснаго, поприце сеѣ жизни мы должны проходить въ полномъ повиновеніи, въ непрекословномъ послушаніи Матери нашей, св. православной церкви; во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ своихъ, при всякихъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни нашей мы обязаны дѣйствовать по чувству всецѣлой и безраздѣльной любви ко Господу Богу, по заповѣдямъ и наставленіямъ Его, небеснаго Отца нашего, по руководству и внушеніямъ Матери нашей, святой церкви; голосъ Отца небеснаго, законы и правила Матери нашей, святой церкви всегда и вездѣ должны быть для насъ выше, дороже и священнѣе всякихъ соображеній нашихъ собственныхъ и измышленій людскихъ.

Такую зависимость отъ авторитета высшаго, божественнаго, такую подчиненность голосу церкви нѣкоторые почитаютъ тяготою для себя, видятъ въ ней стѣсненіе для своей свободы, насиліе для своей природы. Но это — жалкое заблужденіе гордаго и высокоумнаго человѣчества. Истинный христіанинъ, въ простотѣ ума, въ смиреніи сердца несомнѣнно вѣруетъ, что всецѣлая покорность Богу Творцу, Промыслителю и Спасителю, безусловное во всемъ послушаніе святой церкви есть главнѣйшая и существенная обязанность человѣка, — существа сотвореннаго, есть начало всѣхъ другихъ нашихъ обязанностей, основаніе всей нашей жизни. Сколько твари естественно и свойственно пѣвиноваться волѣ Бога Творца, столько всякому разуму человѣческому естественно и свойственно благоговѣнно преклоняться предъ церковію, предъ голосомъ и ученіемъ ея, выражающимъ волю Божию. — Поймите, бр., что свобода человѣческая есть живая и существенная сила для наилучшаго выраженія нашихъ сыновнихъ чувствъ къ Отцу небесному и къ Матери нашей св. церкви: свободнымъ повиновеніемъ Богу и св. церкви, добровольнымъ принесеніемъ свободы нашей въ жертву Имъ, мы искреннѣе и глубже благодаримъ Отца не-

беснаго и церковь Христову за сотвореніе и промышленіе, за искупленіе и освященіе наше; свободно и добровольно подчиняясь волѣ Божіей и внушеніямъ св. церкви, мы не стѣсняемъ себя, не насилуемъ своей природы, но наоборотъ, въ живомъ голосѣ св. церкви, въ ученіи и въ правилахъ ея находя для себя твердую опору и вѣрное руководство, безъ всякихъ колебаній и недоумѣній даемъ своей природѣ правильное и законное развитіе во всемъ богатствѣ ея внутренняго содержанія, во всѣхъ ея силахъ и способностяхъ.

Бр., христіане! Святая церковь Христова, въ земной жизни нашей, имѣетъ для насъ высокое, нравственно-воспитательное значеніе; она только видимо поставляетъ и можетъ поставить насъ на прямомъ пути къ счастію временному и блаженству вѣчному: будемъ же всецѣло, со всею дѣтскою простотою послушны и преданы Матери нашей св. церкви, такъ какъ въ ней на вѣки вѣчныя положены всѣ задатки для развитія и усовершенствованія нашего въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; будемъ внимательны къ ея правиламъ и внушеніямъ, такъ какъ въ наставленіяхъ, въ ученіи и законахъ св. церкви Христовой твердая опора для нашей жизни, надежное руководство для нашей дѣятельности; переведемъ въ себя, воплотимъ въ существѣ своемъ жизнь и силу церкви Христовой, ея духъ и теплоту,—и Господь Богъ несомнѣнно помилуетъ и спасетъ всѣхъ насъ. Аминь.

ЗАПИСКА О ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ СЕМИНАРІИ ¹⁾.

(По Семинарскому архиву).

Продолженіе).

Нужно отдать честь семинарскому Правленію, что исполнивъ волю его преосвященства, оно представило ему слѣдую-

¹⁾ См. Еват. Епарх. Вѣд. 1872 г. №№ 14—16, 1874 г. № 11—13, 1876 г. №№ 9—12.

щее: Правленіе Семинаріи все осмотрѣло—каменный флигель, канцелярію и больницу и нашло все это негоднымъ для больницы и потому, оставаясь при своемъ прежнемъ мнѣніи, просить разрѣшенія нанять домъ подъ больницу и именно домъ Данковыхъ. О. инспекторъ Викторинъ на этомъ послѣднемъ представленіи написалъ слѣдующее поученіе: «домъ наслѣдниковъ Данковыхъ и г. врачъ Семинаріи призналъ неудобнымъ для помѣщенія семинарской больницы, о чемъ положено мною мнѣніе (и не послушались же) на журналѣ семинарскаго Правленія по сему предмету, и его преосвященство, свидѣтельствовавши это зданіе, высказалъ почти ту же мысль (противуположности сходятся), что этотъ домъ неудобенъ для больницы и цѣна слишкомъ высока за оный и сказалъ, что для больницы можно очистить флигель, занимаемый г. экономомъ (шпилька г. эконому Якимовскому—учителю Семинаріи). По моему мнѣнію, зданіе семинарской больницы по своей *обширности* и примѣненію къ помѣщенію больныхъ гораздо *обширнѣе*, нежели домъ наслѣдниковъ Данковыхъ; но это зданіе по небрежности (замотайте себѣ на-усть) запущено и засырѣло. Его слѣдуетъ только хорошо очистить и поправить, и оно будетъ годно для больницы, и не имѣется надобности напрасно тратить такую значительную сумму для найма дома. А пока оправится это зданіе, больныхъ можно помѣстить во флигелѣ, гдѣ живетъ г. экономъ (хочется во что бы то нистало выгнать эконома; мы увидимъ впоследствии, что инспекторъ и экономъ были врагами между собою), или въ другомъ какомъ-либо семинарскомъ зданіи (оставалась еще квартира ректора). О канцеляріи же Правленія Семинаріи, въ присутствіи не было говорено ни одного слова на счетъ удобства или неудобности ея для помѣщенія больницы».

Такъ побивалъ инспекторъ ректора Семинаріи и эконома, которые вмѣстѣ съ нимъ составляли тогда семинарское Прав-

леніе. Больнѣ всего видѣть то, что по сердечной-ли расположенности или по странной случайности, въ препирательствахъ подобнаго рода, его преосвященство становился, по видимому, на сторону о. Викторина. Въ дѣлѣ, напр., о больницѣ преосвященный Леопидъ всецѣло сталъ на сторону инспектора. На вторичномъ представленіи, гдѣ инспекторъ записалъ послѣдній, упомянутый нами протестъ противъ найма подъ больницу дома Данковыхъ, его преосвященство положилъ слѣдующую резолюцію: «домъ Данковыхъ для больницы не достаточенъ и неудобенъ, не говоря уже о весьма высокой цѣнѣ за его наемъ. Посему, мнѣнія о наймѣ этого дома утвердить не могу. При двукратномъ освидѣтельствованіи мною семинарскаго больничнаго строенія, я не могъ найти достаточныхъ причинъ, по которымъ бы слѣдовало признать его негоднымъ для больницы. Разумѣется его надобно исправить, къ чему и рекомендую приступить теперь же». Учитель сказалъ, — ученики должны были исполнить волю свою учителя; старый хламъ стали перебирать снова, какъ перебирали его прежде, хотя въ данное время рѣшительно не было никакой нужды въ этомъ, въ виду отношенія Оберъ-Прокурора, дававшего Семинаріи право нанять частные дома для больницы, классовъ и казеннокоштныхъ учениковъ Семинаріи и училища. Потерпѣвъ неудачу въ дѣлѣ о больницѣ, Правленіе не искало уже квартиръ для учениковъ училища. Въ это именно время для нихъ нанять былъ, по предложенію Оберъ-Прокурора, домъ Шрейберъ, — на томъ и покончили дѣло. Для Семинаріи же, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, его преосвященство и не разрѣшило искать квартиръ, находя это преждевременнымъ.

Такимъ образомъ, извѣстное отношеніе Оберъ-Прокурора въ результатѣ не принесло Семинаріи ровно никакой пользы; Правленіе напрасно радовалось этому отношенію; всѣ его

желанія были парализованы епархіальнымъ Начальствомъ. Все осталось, какъ было. Наемъ дома Шрейберъ, вмѣсто—Дьяковскихъ, не дѣлалъ никакой перемѣны въ жизни бурсацкой. Улучшеніе заключилось только въ томъ, что на дворѣ Шрейберъ Семинарія имѣла теперь сарай для дровъ, чего не было у Дьяковскихъ.

Итакъ, съ устройствомъ больницы, на дворѣ семинарскомъ должна была, по-видимому, водвориться совершенная тишина. Всѣхъ успѣли размѣстить: здоровыхъ бурсаковъ—въ домахъ Никифорова, Шрейберъ и въ своихъ гнилыхъ и грязныхъ зданіяхъ; больныхъ—въ исправленной теперь старой больницѣ; семинаристы по прежнему оставались въ каменныхъ палатахъ, искалеченныхъ трещинами, чрезъ которыя можно было смотрѣть на улицу.

Но волненіе, произведенное отношеніемъ Оберъ-Прокурора еще долго не улеглось; имѣвшіе свободные дома еще долго осаждали семинарское Правленіе своими просьбами нанять ихъ дома подъ Семинарію и училище. Малишевскій и Данковы, не успѣвши заручить въ свои дома больныхъ, навязывали теперь тѣже дома для здоровыхъ. Являлись иногда самыя фантастическія предложенія. Г-жа Рейхъ обращалась въ Св. Синодъ съ прошеніемъ нанять подъ Семинарію ея домъ, который стоялъ тогда, совершенно не отстроенный. Она предлагала его за 2200 р. въ годъ, но съ тѣмъ, чтобы за три года деньги получить впередъ—для отдѣлки дома. Терпѣніе Правленія было замѣчательно; оно странствовало по домамъ, осматривало ихъ и дѣлало свои соображенія. Домъ Рейхъ былъ послѣдній, осмотрѣнный семинарскимъ Правленіемъ въ 1863 г. Оно нашло комнаты нижняго этажа низкими, потому не здоровыми, а безъ нижняго этажа домъ г-жи Рейхъ не могъ удовлетворить нуждамъ Семинаріи; между тѣмъ цѣна за наемъ дома была очень высокая, особенно если принять

во вниманіе предварительную плату за цѣлыхъ три года. Проектъ г-жи Рейхъ погибъ вмѣстѣ съ другими, которыхъ, какъ видитъ читатель, въ то время была полная чаша.

Но мы не закончили еще всѣхъ движеній, происходившихъ въ Семинаріи въ продолженіи 18^{62/63} учебнаго года. Ради полноты дѣла мы не можемъ умолчать здѣсь еще объ одной странной перемѣнѣ (если только можно назвать это перемѣною) въ размѣщеніи учениковъ училища, которая совершенно неожиданно совершилась въ концѣ описываемаго нами учебнаго года. Въ іюль 1863 г. Дьяковскіе подали въ Правленіе Семинаріи заявленіе, что они снова согласны отдать въ наемъ для Семинаріи свой домъ на старыхъ условіяхъ, безъ прибавки тѣхъ 25 руб., ради которыхъ семинарское начальство отказало имъ въ наймѣ дома ихъ въ сентябрѣ 1862 г. Правленіе безъ всякаго возраженія приняло сдѣланное ему предложеніе и немедленно же вошло представленіемъ къ его преосвященству, проси его разрѣшенія нанять для Семинаріи домъ Дьяковскихъ. Это было нѣсколько удивительно. Кого хотѣли сажать въ этомъ домѣ? Послѣ всѣхъ совершившихся предъ симъ неудачъ, Правленіе, по-видимому, должно было молчать о своей тѣснотѣ и не заикаться болѣе о наймѣ частныхъ домовъ, — и вдругъ оно снова выдвигаетъ на сцену домъ Дьяковскихъ; это былъ выстрѣлъ среди полнѣйшей тишины. Удивленный архіерей написалъ на представленіи: «пояснить, по какимъ причинамъ признается нужнымъ нанимать прописанный здѣсь домъ. Кажется, уже довольно имѣется помѣщеній». (Еще бы!). Но удивленіе его преосвященства продолжалось недолго; онъ успокоился, какъ скоро изъ послѣдующаго представленія узналъ, что Правленіе порѣшило бросить домъ Никифорова, замѣнивъ его домомъ Дьяковскихъ. Это былъ скачокъ со стороны Правленія (жаль, что въ это время не было уже о. Викторина), скачокъ весьма нелогическій для такой солидной кол

леги, какою было семинарское Правленіе. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ оно находило выгоду въ наймѣ дома Шрейберъ потому именно, что подлѣ него стоялъ домъ Никифорова, занятый бурсаками и что это обстоятельство давало училищному начальству возможность лучше слѣдить за учениками. Теперь же оно душило свой собственный голосъ, не давая даже отчетливаго объясненія на то, почему именно оставляется домъ Никифорова и нанимается домъ Дьяковскихъ. Дѣло шло, сколько можно думать, о болѣе просторномъ помѣщеніи. Архіерей, впрочемъ, не требовалъ дальнѣйшихъ объясненій и согласился на предположенную перемѣну; бурсаки переехали изъ дома Никифорова въ домъ Дьяковскихъ. Старые знакомые снова повстрѣчались.

Намъ остается теперь подвести итогъ всему, что сказано нами касательно семинарскихъ помѣщеній, чтобы видѣть, подъ какими условіями начался или лучше начнется 1863—64 учебный годъ. Въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ помѣстились 60 учениковъ Семинаріи; здѣсь же были и классы Семинаріи; въ одной комнатѣ деревяннаго флигеля при этомъ домѣ (стоитъ и теперь противъ дома, принадлежавшаго до послѣдняго времени Казанскимъ) помѣстилось 12 учениковъ тоже Семинаріи; подъ исправленною больницею (проданъ въ мартѣ текущаго года и теперь уже разобранъ) помѣстилось 20 учениковъ—тоже Семинаріи,—всего учениковъ Семинаріи 92, а на лицо учениковъ Семинаріи въ казенныхъ зданіяхъ считалось 100; 8 учениковъ, недостающихъ здѣсь, помѣстились, какъ старшіе, въ разныхъ зданіяхъ вмѣстѣ съ бурсаками. Послѣдніе же размѣстились такъ: въ бурсацкомъ флигелѣ, на старомъ семинарскомъ дворѣ (проданъ и сломанъ) 70 учениковъ, въ домѣ Шрейберъ 45, въ домѣ Дьяковскихъ 55,—всего 170, а всѣхъ бурсаковъ, жившихъ въ казенныхъ зданіяхъ было 185; гдѣ помѣстились остальные 15,—изъ бумага не видно и рѣ-

шить этотъ вопросъ мы не беремся. Одно изъ двухъ: или это 15 были выведены на частныя квартиры съ выдачею оклада, положеннаго на нихъ, или Правленіе уменьшило на 15 число пансіонеровъ, которыхъ въ училищѣ полагалось 25. Училищныя классы остались по прежнему въ какомъ-то гниломъ зданіи.

Но какъ бы то ни было, съ указаннымъ размѣщеніемъ жизнь въ Семинаріи и училищѣ потекла своимъ чередомъ, безъ всякихъ перемѣнъ, какъ ни старались объ этихъ перемѣнахъ. Поддержаніе гнилыхъ зданій по прежнему требовало весьма значительныхъ расходовъ и притомъ расходовъ совершенно непроизводительныхъ. Побѣлка и штукатурка старья производилась каждый годъ. Въ послѣднемъ, описанномъ нами, 1862—63 учебномъ г. эта побѣлка и штукатурка обоилась въ 170 р., во сколько онѣ обходились, по словамъ Правленія, и въ прежніе годы. Не говоря затѣмъ о поправкѣ заборовъ и печей, производившейся и въ 1863 г., какъ и въ прежніе годы, мы укажемъ здѣсь только на такія поправки, которыя даютъ намъ довольно ясное понятіе о жалкомъ состояніи семинарскихъ зданій того времени. Тогдашній экономъ Семинаріи, протоіерей Острогорскій донесъ однажды Правленію, что семинарская столовая отличалась нѣкоторыми особенными свойствами, которыя очевидно не могли доставлять большаго удовольствія сидѣвшимъ и питавшимся въ этой столовой. Потолокъ ея опустился и вслѣдствіе этого мазка, покрывавшая потолокъ, безъ всякой церемоніи отваливалась и весьма удачно попадала въ чашки тѣмъ, которые обѣдали. Правленіе порѣшило поднять потолокъ и подшелевать его. Но когда стали поднимать потолокъ, то перепортили борова и такимъ образомъ вмѣсто однихъ—потребовались двойные расходы. Это не былъ исключительный случай. Если бы Правленіе имѣло деньги и хотѣло—оно могло бы поправлять

и чинить непрерывно и безконечно; это обуславливалось всеми семинарскими зданиями. Въ томъ же 1862/63 учебномъ году, когда въ столовой потолокъ поднимали и поправляли боровы, пришлось Правленію обратить свое вниманіе и на семинарскую баню. Объ этой знаменитой банѣ въ 1856 г. ректоръ Семинаріи Павелъ писалъ, что въ ней со всѣхъ сторонъ дуетъ и что поэтому въ ней всегда бывало холодно. Эта дырявая и холодная баня продолжала однакоже стоять и служить и достояла до 1863 г., когда наконецъ Правленіе нашло, что баня уже совсѣмъ не годится для бани. Сдѣлали смѣту на новую баню и не только сдѣлали смѣту, но и самую баню; обошлась она въ 538 р., а въ мартѣ текущаго (1875 г.) эта баня была продана съ торговъ за 80 р. Еще годъ тѣсноты, грязи, всяческихъ неудобствъ и бесполезныхъ хлопотъ кануль въ вѣчность для семинаріи. Перейдемъ теперь къ слѣдующему году, — не будетъ-ли чего-нибудь лучшаго.

Мы сказали, что съ 1863/64 учебнаго года Семинарія и училище размѣстились на четырехъ дворахъ: старомъ семинарскомъ, Неласси, Шрейберъ и Дьяковскихъ. Такое размѣщеніе напоминало нѣсколько прошедшія времена, — времена существованія домовъ Жмелева и Синельникова и никто въ ту пору не могъ бы сказать, когда и гдѣ закончится это распознаніе духовно-учебныхъ заведеній г. Екатеринослава. Къ счастью, семинарское начальство, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ неудачъ, по-видимому, не потеряло надежды на лучшее будущее. Размѣстившись въ указанныхъ нами дворахъ, оно, въ наступившемъ же году, воспользовавшись пребываніемъ въ Екатеринославѣ на ревизіи Харьковскаго архіепископа Макарія, стало думать уже о новыхъ предпріятіяхъ. Въ этомъ наступившемъ году (1864 г.) продававшіеся недавно для Семинаріи дома Остроуховыхъ перешли по закладной въ 27 тыс. 500 р. во владѣніе, хотя и временное пока, первой

гильдіи купцовъ — братьевъ Штейновъ. Они-ли, частнымъ образомъ, снеслись съ начальствомъ Семинаріи или начальство Семинаріи съ ними, — только въ концѣ 18⁶³/₆₄ учебнаго года, въ іюлѣ мѣсяцѣ, дома Штейновъ были осмотрѣны преосвященнымъ Макаріемъ Харьковскимъ, Леонидомъ Екатеринославскимъ и семинарскимъ Правленіемъ, въ видахъ найма этихъ домовъ подъ Семинарію и училище. Къ чему пришли осматривавшіе дома, мы узнаемъ уже изъ дѣла, которое началось послѣ осмотра приблизительно черезъ мѣсяцъ.

25 августа 1864 г. купцы Штейны вошли въ семинарское Правленіе съ прошеніемъ слѣдующаго содержания: «извѣстившись, что семинарское изчальство нуждается въ помѣщеніи воспитанниковъ Семинаріи и духовнаго училища, предлагаемъ Правленію Семинаріи въ наемъ для сей цѣли, предоставленныя указомъ Екатеринославской Гражданской Палаты отъ 25 августа 1864 г. за № 5066 во владѣніе наше по закладной въ 27 т. 500 р. каменные дома наслѣдниковъ кунца Остроухова, съ таковыми же флигелями и службами и все принадлежащее къ нимъ мѣсто за три тыс. р. на одинъ годъ, съ уступкою въ пользу Семинаріи 100 р., съ таковымъ притомъ присовокупленіемъ, что мы согласны, по окончаніи года, отдать въ наймы сіи дома для Семинаріи, если получимъ данную на владѣніе оными, и еще на дальнѣйшее время, до постройки новаго зданія для Семинаріи, съ ежегодною уступкою 100 р. на ремонтъ зданій. Почему и просимъ Правленіе сдѣлать по сему предмету надлежащее распоряженіе».

Правленіе было подготовлено къ тому, о чемъ писали Штейны. Того же 25 августа оно вошло къ преосвященному съ длиннымъ представленіемъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: «деревянныя зданія, въ которыхъ помѣщаются бурсаки училища и училищныя классы, крайне ветхи и, по отзыву архитектора, негодны ни къ починкѣ, ни къ фундаментальнымъ

перестройкамъ; онѣ содержатъ въ себѣ гнилой воздухъ и при известной тѣсотѣ служатъ по свидѣтельству врачей поводомъ къ развитію между учениками повальныхъ болѣзней (глазной и тифа); на отопленіе классныхъ комнатъ идетъ множество дровъ, а между тѣмъ теплоты въ классахъ явѣтъ; не имѣющіе теплой одежды и обуви—зимою отмороживаютъ ноги. Совершенная негодность этихъ зданій признана и архіепископомъ Харьковскимъ Макаріемъ и вашимъ преосвященствомъ. Вслѣдствіе такой крайности и на основаніи отношенія Оберъ-Прокурора отъ 12 февраля 1863 г. (въ Правленіи получено въ мартѣ, какъ говорено выше) необходимо было пріискать одинъ или нѣсколько частныхъ домовъ для помѣщенія воспитанниковъ и для классовъ. Для помѣщенія воспитанниковъ можно было бы нанять домъ статскаго совѣтника Никотина, но тамъ можетъ помѣститься только 70 человекъ, и отъ столовой отстоитъ этотъ домъ на 200 саж.; для помѣщенія же классовъ нельзя найти вблизи ни одного удобнаго дома. Почему открывается нужда нанять дома наслѣдниковъ купца Остроухова, принадлежащіе нынѣ по закладной въ 27 т. 500 р. купцамъ 1-й гильдіи Штейнамъ и отстоящіе отъ двухъ-этажнаго семинарскаго дома на 180 саж. Дома эти преосвященнымъ Макаріемъ и вашимъ преосвященствомъ найдены годными и достаточными для помѣщенія казеннокоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи и училища, безъ всякихъ передѣлокъ. Тутъ же могутъ быть помѣщены инспекторы Семинаріи и училища. Въ одномъ изъ флигелей можетъ быть помѣщена столовая и кухни, а для хлѣбопекарни нужно вырыть на дворѣ землянку, такъ какъ передѣлать какое-нибудь зданіе въ дворѣ для этой цѣли Штейны пока не имѣютъ права; изъ наемной цѣны 3000 р. Штейны уступаютъ 100 р. на ремонтъ зданій и 150 на устройство хлѣбопекарни. Классы Семинаріи останутся на своемъ мѣстѣ, а училищные могутъ быть открыты

подъ семинарскими, въ томъ же двухъ-этажномъ каменномъ домѣ (Неласси); бібліотека съ нижняго этажа перенесется въ верхній—въ рядъ съ классами Семинаріи. Наемъ домовъ у Шрейберъ и Дьяковскихъ будетъ прекращенъ вмѣстѣ съ наймомъ домовъ Штейновъ, т. е. съ сентября 1864 г. Такъ какъ въ нанимаемыхъ домахъ нужно сдѣлать нѣкоторыя приспособленія и перемѣщеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ съ семинарскимъ имуществомъ въ дома Штейновъ займетъ довольно времени, — то сборъ учениковъ къ ученью предполагается отложить до 1 октября».

Такъ писало Правленіе въ своемъ представленіи къ преосвященному. Преосвященный Леонидъ не совсѣмъ согласился съ этимъ представленіемъ. «Кондиціи на наемъ домовъ у Штейна при настоящемъ представленіи, написалъ Леонидъ, не приложено; рекомандую представить оныя въ должномъ порядкѣ и съ приложеніемъ самага дѣла. Помѣщенія нанимать у Штейна не съ 1 сентября, а съ 1 октября, т. е. съ того времени, когда онѣ будутъ приспособлены къ переходу въ нихъ учениковъ. Касательно отсрочки явки учениковъ прописанное здѣсь не можетъ служить основаніемъ къ такой потерѣ учебнаго времени, какое предполагается въ настоящемъ представленіи. Посему, на сіе послѣднее предположеніе Правленія согласиться не могу».

Правленіе снеслось со Штейнами и тѣ отвѣтили, что дома совершенно будутъ готовы къ 20 сентября и потому они просятъ считать начало найма ихъ домовъ не съ 1 октября, а съ 20 сентября. Въ новомъ представленіи къ его преосвященству, изложивъ отзывъ Штейновъ, Правленіе постановило: «1) произвести къ тому же 20 сентября необходимыя работы какъ въ каменномъ двухъ-этажномъ семинарскомъ домѣ, такъ и на дворѣ при домахъ Штейновыхъ и во флигелѣ, находящемся на томъ же дворѣ; 2) за неимѣніемъ помѣщеній для казеннокоштныхъ учениковъ Семинаріи и бурсаковъ училища, жившихъ въ домѣ вдовы Шрейберъ, во избѣжаніе замѣша-

тельства въ ходѣ ученія, и въ предосторожность отъ болѣзней, могущихъ развиться отъ тѣсноты, помѣщеній, гнилости ихъ и наступившей довольно холодной погоды, отсрочить явку учениковъ до 20 сентября, или дозволить семинарскому Правленію испросить на сей предметъ разрѣшенія у академическаго Правленія по телеграфу». (28 августа). Въ тотъ же день, какъ представленіе вошло къ преосвященному, — послѣдній написалъ: «согласенъ на наемъ дома и передѣлки, и если уже оказывается такая невозможность на размѣщеніе учениковъ во время передѣлокъ, — то и на отсрочку явки учениковъ».

Итакъ, все кончилось благополучно; наемъ Штейновыхъ домовъ—дѣло рѣшенное; преосвященный согласился на всѣ условія, изложенныя въ контрактѣ семинарскаго Правленія со Штейнами, и, въ отношеніи въ Оберъ-Прокурору, изложивъ весь ходъ найма разныхъ домовъ подъ Семинарію и училище, со времени полученія извѣстнаго уже намъ отношенія Оберъ-Прокурора отъ 14 февраля 1863 г. по августъ 1864 г., просилъ Оберъ-Прокурора ассигновать на будущій 18^{64/65} учебный годъ сумму, необходимую на уплату за нанятые дома. (Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей получено отъ священника Александра Павловскаго *шесть* р. сер., собранныя имъ отъ прихожанъ Петро-Павловской церкви с. Солоненькаго въ пользу христіанъ, пострадавшихъ въ Босніи и Герцеговинѣ, каковыя деньги редакціею и отправлены по назначенію.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Далматъ.

Редакторы—сотрудники { А. Ржевскій.
Я. Степановъ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Слово, о безусловной обязанности христіанина повиноваться святой церкви. II. Записка о Екатеринославской Семинаріи (продолженіе). III. Объявленіе.

Дозволено цензурою. 30-го іюня 1876 года.

13 № Епарх. Вѣд. сланъ на почту 1 іюля.

Печ. въ Тип. Я. М. Чаусскаго.

